

Памяти героя-революционера

Г. Дудченко

Давно уже появилась замечательная традиция — присваивать улицам имена героев революции, войны и труда. В этих названиях воплощена история Страны Советов, история наших городов и сел.

Об этих людях хорошо знают старожилы Таганрога. Пусть же и молодежь прикоснется сердцем к их революционным, боевым и трудовым подвигам.

7 августа 1929 года президиум горсовета Таганрога принял решение о переименовании улицы Александровской в улицу Н. Ткаченко. Решение это вызвало широкую поддержку у таганрожцев. Сейчас мало осталось свидетелей январских событий 1918 года в нашем городе. Но память о тех, кто стоял у истоков советского Таганрога, померкнуть не должна.

...Начавшееся 17 января 1918 года восстание всколыхнуло сотни таганрогских рабочих. Красногвардейские отряды постоянно пополнялись добровольцами. Желавших взять в руки оружие было больше, чем самого оружия. Известие о том, что во дворе дома Жеребцова по Николаевской улице спрятано оружие расформированного Заамурского запасного кавалерийского полка, вызвало живой интерес у членов городского военно-революционного комитета.

А. К. Глушко немедленно вызвал к себе начальника Красной гвардии Русско-Балтийского завода Семена Рослякова и рассказал о полученных сведениях. Объяснять задачу необходимости не было. Росликов, только вернулся из опустевшего склада, где хранилось оружие, и в его ушах еще звучали голоса, требующие дать винтовку или хотя бы наган. Уточнив адрес, Семен бросился во двор, собрал отделение красногвардейцев и сказал:

— Вам необходимо как можно быстрее овладеть домом и двором Жеребцова, найти там и захватить оружие. Я сейчас пошлю вслед за вами автомашину. Погрузите оружие и доставьте его на завод. Старшим назначаю Николая Ткаченко.

Минут через пятнадцать Росликов отправил к дому Жеребцова автомашину с пятью рабочими, старшим был Петр Ермоленко. Подобрал по пути отряд Н. Ткаченко, автомобиль направился к Николаевской улице.

Таганрог окутал ранний зимний вечер. Дома тревожно затаились за плотно затворенными ставнями. Со стороны городского сада и от вокзала то усиливаясь, то затихая, доносилась ружейная и пулеметная пальба. Настороженно уткнулся в небо острой кровлей дом Шаранова. А вот и серая громада дома Жеребцова.

Автомобиль затормозил, и красногвардейцы спрыгнули на булыжную мостовую. Квартировавшего в доме полковника Подгурского в комнатах не оказалось. Встретил революционеров его денщик. Он сказал, что оружие находится в сарае.

Н. Ткаченко приказал П. Ермоленко со своими людьми сопровождать автомашину и на заводе доложить, что в сарае еще много оружия. Автомобиль уехал. Оставшиеся красногвардейцы разместились погреться в квартире полковника. Машина задерживалась, и Н. Ткаченко позвонил на завод, чтобы узнать о причине.

Видимо, этот разговор удалось подслушать засевшим на телефонной станции юнкерам. А ведь штаб сил контрреволюции находился почти рядом с домом Жеребцова, в гостинице «Европейская», на Петровской улице.

Вскоре в ворота тихонько постучали. Часового во дворе не было, и калитку открыл денщик. Ему зажали рот и тихо спросили:

— Где красные?

Он указал на комнату полковника.

— Когда мы вернулись с автомашиной, — вспоминал позже Н. И. Плужников, — то отряда Н. Ткаченко в квартире Подгурского не было. Исчез и денщик. От кухарки мы узнали о разыгравшихся здесь событиях. Время не ждало. Восставшим нужно было оружие. К счастью, оно осталось на месте. За ночь все оружие было переправлено на Русско-Балтийский завод. А утром оно уже заговорило в руках рабочих, продолживших штурм последних опорных пунктов калединцев.

Когда юнкера были выбиты из гостиницы «Европейская», то стал известен и финал кровавой драмы, начавшейся в доме Жеребцова.

Командир взвода красногвардейцев кожевенного завода Василий Аникеев, оставленный для охраны захваченного имущества штаба контрреволюции, обнаружил во дворе наполненную трупами яму. Каменная стена сарая и стоявшая над ямой лестница были изрешечены пулями.

Раскопали яму. Стало ясно, что в ней покоятся все двенадцать бойцов отряда Н. Ткаченко. Обнажили головы собравшиеся члены военно-революционного комитета.

О последних минутах жизни Н. Ткаченко и его товарищей рассказал руководителям восстания старик, дворник гостиницы:

— С турками воевал. Плевну брал. Сколько раз в штыковые атаки ходил. А вот такого ужаса не видывал. В начале белые по четыре человека выводили яму рыть. Потом поставили лестницу и вывели всех двенадцать молоденьких ребят. Шагах в пятнадцати от лестницы поставили отделение юнкеров с винтовками.

Развязали руки одному из арестованных и приказали бежать по лестнице. А когда он занес ногу на крышу сарая, — выстрелили. Арестованные начали кричать:

«Палачи! Будьте вы прокляты! Придет и ваш черед». Смелые были ребята. Совсем мальчишки, но ни один не попросил пощады. Всех так и расстреляли.

Много лет прошло с той поры. Редко кто вспоминает, что здание на улице Фрунзе, где расположен кожно-венерологический диспансер, принадлежало когда-то Жеребцову. Не все, проходя по улице Ленина мимо здания ОКБ радиотехнического института, обращают внимание на закрепленную на его фасаде мраморную доску, свидетельствующую, что именно здесь отдал свою жизнь за революцию Н. Ткаченко. Но память о юном революционере продолжает жить, жить в названии улицы, в сердцах и делах сегодняшних поколений таганрожцев.